

ГВАРДИЯ - ВПЕРЕД!

1

Пришла зима с буранами и стужей. Летать стало еще труднее, но маленькие «По-2» снова и снова появлялись в ночи над вражескими рубежами, нанося фашистам удар за ударом.

Казалось, в жизни полка ничего не изменилось. Желанное слово «наступление» еще не было громко произнесено. Но горячее дыхание надвигающихся наступательных боев уже чувствовалось во многом.

В полк стали приезжать новые пилоты, штурманы, техники. Среди них были Магуба Сыртланова, опытный пилот Гражданского воздушного флота; Клавдия Серебрякова, тихая девушка, окончившая Херсонскую летную школу и затем работавшая в Тбилисском городском аэроклубе; летчица Рая Юшина, Катя Пискарева, штурманы Нина Реуцкая, Таня Костина и Мэри Авидзба, первая девушка Абхазии, ставшая авиатором.

В декабре в полку создали еще одну, третью по счету эскадрилью. Ее командиром назначили Полину Макогон, штурманом — Лиду Свистуну. И хотя все делали вид, что образование новой эскадрильи ничего особенного собой не представляет, каждая видела в этом свидетельство усиленной подготовки к наступлению, долгожданному наступлению, в котором женский авиационный полк, наверное, сыграет свою роль.

А пока что боевая работа шла своей обычной чередой, размеренно и напряженно.

В те дни Женя Руднева писала в дневнике:

«...После обеда — на аэродром и быстро в полет. В эту ночь не было ни облачка, и мы сделали семь полетов. Бомбили с высоты 700 метров».

«...Вчера я совершила свой 270-й и самый неудачный за все время вылет: быть на 600 метров над эшелонем и не попасть в него! Взяла четыре бомбы, вернулась, но уже не нашла его».

«...Дня три было хорошее настроение. 16-го, кажется, был выдающийся полет: до Терского хребта мы набрали 950 метров, а над самым хребтом облачность прижала до 700 метров, над Тереком — до 600 метров.

Я ориентировалась по луже за рекой. Впереди было худо, но сзади еще хуже: прожектора я в полете туда ни разу не видела, куда нас сносило — решить было нельзя до Терека. За хребтом пошел дождь, потом снег, побалтывало. Я боялась обледенения.

Мы чуть-чуть уклонились от маршрута вправо, но потом повернули и пересекли Стодереvский изгиб точно по линии пути...»

«...Вчера, после полетов, решила отвечать на письма. Сделала треугольничек, написала адрес и чувствую, что у меня глаза закрываются, так письма и не написала, заснула».

«...Устаю я от таких полетов сильно. Но они приносят мне удовлетворение».

«...Что стало с людьми, что все выдуманные драмы и трагедии прежних лет перед бессмысленным ужасом фашистского насилия! Какая ненависть кипит сейчас во мне!».

Несколько позже, после коротких заметок о новых полетах, новых ударах по ненавистному врагу Женя писала:

«Главное событие: вчера приехала Галка Докутович. Как дорог каждой наш полк! Какое счастье быть в нем!».

А в дневнике Гали Докутович читаем:

«...Я опять у себя в части. Приехала сюда два дня назад. Не знаю, принимают ли кого-нибудь лучше, чем приняли и встретили меня девушки.

Родная семья — не иначе!

Свой шестимесячный отпуск я положила в карман. После войны буду поправляться. А тут опять — обухом по голове. Собираются назначить адъютантом эскадрильи. Одновременно штурманом.

Сегодня целый день не давала покоя майору¹.

Чем кончится — еще не знаю. Завтра посылают в санаторий. «Без отрыва от производства». Здесь же в станице.

Девушки наши все с орденами. И все стали такие красивые!...».

Вернувшись после лечения, Галя выглядела здоровой. Но это было совсем не так. Она еще нуждалась в продолжительном отдыхе. Ее выписали из госпиталя с условием, что она поедет в полугодовой отпуск. Но она направилась прямо на фронт и скрыла удостоверение об отпуске.

В полку Галя не хотели допустить к полетам, предлагали более спокойную работу.

Она возражала, напомнив начальнику штаба о данном ей перед отъездом обещании: «Будешь летать, только летать!».

¹ Е. Д. Бершанская.

Герой Советского Союза
летчица Маизба Сыртланова.
Совершила 782 боевых вылета

— Тогда, товарищ Докутович, придется выполнить наше обещание.

И Галя снова стала летать.

2

Тем временем обстановка на фронте резко изменилась.

Грандиозная победа Советской Армии под Сталинградом определила и действия Закавказского фронта.

Двадцать пятого декабря войска фронта пробили первую брешь в оборонительной линии противника — была взята Дигора, сильно укрепленный пункт, на который не раз обрушивали бомбовые удары экипажи женского авиационного полка.

Второго января 1943 года началось развернутое наступление наших войск на Кавказе. Прорвав сильно укрепленную оборону фашистов на Тереке в районе Дзау-

джикау, советские дивизии лавиной устремились вперед, очищая родную землю от захватчиков.

За первые несколько дней гитлеровские войска отошли больше чем на сто километров. Наши наступающие части нависли на плечах противника и продвигались вперед с такой быстротой, что легкобомбардировочная авиация едва за ними поспевала. Женский полк вместе со всей авиадивизией генерала Попова переезжал и перелетал с одной площадки на другую, и стоило задержаться на один—два дня, как линия фронта отодвигалась на расстояние, превышающее радиус действия самолетов «По-2».

Зима на Северном Кавказе выдалась тяжелая. Густые туманы, снежные метели, низкая облачность вставали преградой на пути летчиков. А на земле была невообразимая грязь, слякоть. Дороги, по которым прошли отступающие мотомехчасти, артиллерия и танки неприятеля, стали непроезжими. Машины с командами, выезжавшими заранее для подготовки к приему

самолетов, застревали в грязи. Команды выскакивали из машин и на руках под «Дубинушку» вытаскивали их из трясины.

Но трудности, связанные с наступлением, только радовали девушек. Пример героев Сталинграда стоял перед их глазами, призывая к подвигам, к новым, еще более мощным ударам по врагу. И чем дальше они двигались вперед, чем больше видели разоренных, испепеленных станиц, страдавших, истерзанных фашистами советских людей, тем сильнее хотелось им разить, сокрушать захватчиков.

Нередко передовые, наземные команды полка прибывали на новые летные площадки одновременно с головными отрядами пехотных частей, словно подгоняя их. Так было, например, под Георгиевском, куда автомашина с техникой пришла тогда, когда на окраине города еще шел бой с отступающим противником.

— Куда разогнались, как бешеные! — остановил машину красноармейский патруль. — Не слышите, что ли, как палят фашистские минометы? Не лезьте поперед батька в пекло!

Пришлось заночевать в открытом поле. Только на следующий день к вечеру команда добралась до новой, заранее намеченной площадки.

Первая задержка из-за тяжелых условий погоды произошла в станице Солдато-Александровской, где полк провел некоторое время в период отступления. Жители станицы помнили летчиц и встретили их с большой радостью, как родных. Казачки бросились обнимать, целовать девушек.

— Живые, здоровые, родимые вы наши! А ведь немцы хвалились, что перебили всех вас. Чего только они не брехали!..

Казачки отплевывались, махали руками.

— Всякую несусветную чушь: что вы, дескать, сброд, согнанный со всех концов страны, что вы-де «летающие ведьмы», что вам, мол, всприскивают какой-то состав, который делает вас бесчувственными...

Все весело смеялись. А станичницы добавляли:

— Собака лает — ветер носит! Зато ваши гостинцы, которые слетели с неба, фашистам обошлись дорого, ой как дорого!

Наступая, девушки стали еще щедрее на такие «гостинцы». При малейшей возможности «По-2» бомбардировали войска врага, его эшелоны, базы. Они летали не только ночью, но и днем, ведя разведку для наземных войск.

Однако полку не везло: январь был на диво метельным, погода сковывала действия авиации.

Галя Докутович писала в своем дневнике:

«...Фашисты удирают, а мы — вслед. Но погода, увы, заодно с ними. Все время туман, низкая облачность а здесь гористая местность, в «молоке» не налетаешь...

Штурман Татьяна Костина.
Совершила 484 боевых вылета

Вчера был один из самых забавных дней нашей походной жизни. С утра нас застал туман. Никак не могли вылететь. Только к полудню полк поднялся и перелетел на другую площадку. Но оказалось, что наша передовая группа наземников уже поехала дальше.

Мы собрались ночью работать, но опять, как всегда, к вечеру появилась облачность, погода самая «аэродромная». Мы мерзли у своих машин. Я собралась уже совсем лететь и всю ругала Лиду Свистуну за то, что карту мне дали уже в темноте.

— Да, всегда у нас так: на охоту ехать — собак кормить!

Потом мы с Ниной Худяковой улеглись спать на крылья. Холодно, а не встаем! Но все-таки решили встать и пошли греться к лампе. Лампу разожгла Дуся Пасько недалеко от «блондинки», так у нас величают «9» за то, что она выкрашена голубой краской. Оказалось, Дуся варила в котелке фасоль. Мы приняли активное участие, я даже палец себе обожгла.

У Руфы¹ была соль, у меня — самое главное — ложка. А вместо воды здесь же бросали в котелок снег. Когда фасоль перестала быть такой твердой, как раньше, мы собрали около котелка всю эскадрилью и одной ложкой по очереди вкруговую ели фасоль.

Погода была безнадежно плохой.

После команды «Отбой» нужно было километра за 2,5 идти в станицу. Спали на соломе в холодной хате.

А сегодня с утра непроходимый туман. Снова на аэродроме. И опять нельзя летать!..»

В Солдато-Александровской Женя Руднева и Галя Докутович поселились в одной хате. А самолет поставили прямо у ворот. «Как телегу», — смеялись девушки.

Несколько дней все вокруг было окутано таким туманом, что протянутую руку — и ту не разглядишь сразу. О полетах пришлось забыть, все силы отдали учебе, расчетам, проверке теоретических знаний.

¹ Руфина Гашева.

Женя была так занята последнее время, что не успела еще как следует поговорить с Галей. Как штурман полка она отвечала за действия всех штурманов, и если кто-нибудь терял ориентировку, бомбил неточно, летал неуверенно, она чувствовала себя в ответе за это, мало, стало быть, проверяла, плохо инструктировала. А, кроме того, нужно и самой летать, бомбить. Но уж зато в нелетные, непогожие дни они наговорились вдоволь, обо всем!

Как-то вечером зашла между ними речь о том, что, собственно, было самым важным, интересным в жизни полка за период боев на Тереке, когда Галя лежала в госпитале.

— Самое важное? — переспросила Женя, сощутив свои голубые глаза, опущенные густыми ресницами. — Конечно, то, что все мы на голову выросли!

И пояснила:

— Дело не в том, что нас всех повысили в звании, что наш командир уже майор, Амосова — капитан, а мы, вчерашние старшины и сержанты, стали офицерами. И не в орденах дело, как они им радостны. Это, Галя, только внешние приметы, пусть и важные, но внешние. А главное — девушки духом окрепли, закалились, выросли — вот что замечательно!

— Помнишь, Галя, Волгу, город наш? — продолжала она. — Сколько еще там было непонимания, ребячества, предрассудков среди девушек! А теперь их не узнать. И дисциплина какая, и тяга к учебе! Никто не хочет стоять на месте. Мне житья не дают — учи да учи «на штурмана». И Татьяна Масленникова, и Лидочка Целовальникова, и многие другие хотят быть штурманами. А многие из штурманов при помощи своих летчиков научились управлять самолетом. Женя Жигуленко, Нина Ульяненко, Наташа Меклин, Рая Аронова — им осталось уже очень немного, чтобы стать настоящими летчиками.

— А ты?

— Я тоже умею управлять машиной, но главное для меня — штурманское дело. Оно ведь, знаешь, какое — предела нет, совершенствуйся да совершенствуйся! Я все время летаю с Диной Никулиной. Мы с ней хорошо срабо-

Герой Советского Союза
штурман Евдокия Пасько.
Совершила 860 боевых вылетов

тались. Летчик она замечательный, только учись у нее. Кажется, ни один экипаж так низко не летал над целью, как мы с Диной.

И, нагнувшись к подруге, Женя с азартом стала рассказывать:

— Был с нами на Тереке такой случай. Мы вылетели бомбить переправу, но по пути к цели увидели под крыльями железнодорожный состав противника и решили ударить по нему. Дина снизилась насколько было возможно. Я прицелилась и сбросила бомбы. Они попали в паровоз. Раздался оглушительный взрыв. Представляешь себе нашу радость!

— Каждый из наших боевых экипажей, — продолжала она, — имеет на своем счету от ста пятидесяти до двухсот вылетов, и этим мы обязаны образцовому порядку, установленному Бершанской на старте, и блестящей работе механиков, вооруженцев. Не успеешь доложить командиру о результатах полета, как машина уже готова к новому вылету: горючее залито, бомбы подвешены. Молодцы наши механики и вооруженцы: им ничего не надо говорить — сами все сделают! Однако довольно о нас. Расскажи что-нибудь о тебе. Как ты там жила? С кем встречалась?

— Я тыла почти и не видела, — ответила Галя, — лежала в госпитале забинтованная, в гипсе, без движения. Скучала и томилась. Завидовала вам. Писем почти не получала. Казалось, все меня забыли. Читала сводки, как фашисты наступают, и с болью думала: когда же конец этому? Лечилась я книгами. Вспомнила еще раз жизнь Павки Корчагина. И еще ближе она мне стала, еще дороже... С трудом дождалась, когда меня отпустили. Теперь мечтаю только о полетах. Какое счастье, что мы перешли в наступление. Теперь у нас одна дорога — вперед, на запад!..

Вперед, на запад! — этой мыслью жил весь полк.

3

Воспользовавшись первым же прояснением в небе, полк перелетел из Солдато-Александровской в станицу Александровскую. Враг продолжал откатываться под натиском наших войск, и линия фронта опять отдалилась от аэродрома. Все же несколько экипажей успешно выполнили боевые задания, разгромив арьергарды фашистских частей, затерявшихся в степных просторах.

В Александровской последний раз побывал в полку комиссар Горбунов, которого после ликвидации в армии института комиссаров отзывали на другую работу. В это время происходило собрание партгруппы первой авиаэскадрильи. Девушки решили пригласить Горбунова на это собрание.

Обсуждался вопрос об авангардной роли коммунистов в период наступления и отчет о состоянии партийной учебы в группе. В прениях выступили почти все члены партгруппы: Женя Руднева, Полина Гельман, Галя Докуто-

«Секрет» Жени Рудневой (слева — Наталья Меклин)

вич, Наташа Меклин, Надя Попова, Ирина Себрова. Говорили обстоятельно, со знанием дела, горячо и откровенно, не утаивая недостатков, слабых мест в учебе, в боевой работе.

Взяв потом слово, Горбунов сказал, что нельзя увлекаться первыми успехами наступления. Фашисты сейчас отступают быстро, но это еще не означает, что они разбиты наголову: враг хочет оторваться от наших наседающих частей и закрепиться на новом рубеже. Наступление нельзя себе представить, как триумфальное шествие, — каждую пядь советской земли придется отвоевывать в ожесточенных боях. Надо помнить об этом и готовиться к предстоящим трудностям.

После того как повестка собрания была исчерпана, между девушками и комиссаром дивизии завязалась оживленная беседа. Горбунов впервые рассказал, как неохотно принимали полк в дивизию, сколько было сомнений и как постепенно отношение к полку менялось.

— Теперь вы — лучший полк в дивизии, — сказал он, прощаясь. — Я уверен, что вы первые в дивизии станете гвардейцами.

— Если бы!.. — чуть не хором ответили девушки, и кое-кто вздохнул: увы, не всем дано стать гвардейцами...

Три дня провел летный состав на аэродроме в Александровской в полной боевой готовности. Ждали погоды. Было морозно. Холод проникал под шинели, под комбинезоны. Но никто не уходил, не прятался в хатах; девушки спали в кабинах, под крыльями самолетов, с болью думая о том, что внезапно враг ускользает, уходит из-под удара...

Авиамеханик Зинаида Радина

В один из этих дней полк выстроили по эскадрильям у самолетов и объявили горестную весть: Марина Михайловна Раскова погибла при исполнении служебных обязанностей.

Все обнажили головы, застыв в скорбном молчании. Не стало Расковой, патриотки-героини, которую все любили, у которой учились защищать Родину...

Еще крепче сжались кулаки, еще острее стала ненависть к фашистам, повинным и в этой безвременной, горькой утрате.

«Теперь мы будем мстить и за нее», — думали девушки.

4

Восьмое февраля 1943 года — знаменательная дата в истории полка.

Полк стоял в этот день в станице Челбасской. Раннее утро, легкий морозец. Часть экипажей вернулась с боевого вылета. Больше летать нельзя. Волнами надвигается туман. Метеорологи предсказывают низкую облачность. Личный состав — у своих машин. Чтобы согреться, девушки прыгают, делают небольшие пробежки.

Неожиданно раздается команда дежурной:

— Летный и технический состав, на командный пункт!

Начальник штаба выстраивает полк у помещения штаба дивизии. Здесь собрались и другие авиационные полки, базировавшиеся на этом аэродроме.

Майор Бершанская, как всегда, спокойна и подтянута, но девушки по ее глазам видят, что она чем-то радостно взволнована.

— Равняйся! Смирно! Слушайте телефонограмму из штаба соединения: «Приказом Верховного Главнокомандования ночной легкобомбардировочный авиационный полк переименовывается в Гвардейский ночных бомбардировщиков авиационный полк...»

На поздравление командира полк ответил троекратным «ура».

Прозвучала команда:

— Вольно! Разойдись!

Девушки бросились друг другу в объятия. Товарищи из других полков от души поздравляли их.

Какой это счастливый день! Отныне они — гвардейцы. А гвардия — передовой отряд всей Советской Армии.

Заслужили ли они это? Очевидно, заслужили: итоги боевой работы полка на Северном Кавказе были серьезны, полновесны — тысячи боевых вылетов, тысячи метких ударов по врагу, обеспеченных самоотверженной, организованной, умелой боевой работой всего личного состава.

Но кому многое дано, с того много и спрашивается. Звание гвардейцев надо с честью оправдать, надо теперь работать еще лучше, еще смелее и яростнее бить врага — так думали все.

На следующий день вышел боевой листок с «Гвардейским маршем», написанным Натальей Меклин.

Он начинался так:

На фронте стать в ряды передовые
Была для нас задача нелегка.
Боритесь, девушки, подруги боевые,
За славу женского Гвардейского полка!

Вперед лети,
С огнем в груди,
Пусть знамя Гвардии алает впереди.
Врага найди,
В цель попади.

Фашистским гадам от расплаты не уйти.

Никто из нас усталости не знает,
Мы бьем врага с заката до зари.
Гвардейцы-девушки в бою не подкачают.
Вперед, орлы, вперед, богатыри!

Словами своего «Гвардейского марша», сразу полюбившегося полку, девушки заявляли:

Врага найдем мы в буре и в тумане,
Нам нет преград на боевом пути!
Гром, круши его налетом ураганным,
Спеши от Гвардии «подарок» отвезти.

И они спешили со своим «подарком» врагу.

Несмотря на крайне неблагоприятную погоду, боевые полеты возобновились. Экипажи атаковали вражеские переправы, били по фашистским аэродромам и артиллерийским позициям.

Экипажи Чечневой—Клюевой и Худяковой—Тимченко вместе обрушились на один из опорных пунктов гитлеровцев. Сильный зенитный огонь не помешал им с честью, по-гвардейски, как они говорили, выполнить боевую задачу: в результате бомбометания возникло четыре взрыва, были уничтожены крупные запасы боеприпасов.

Уже весь фронт знал о девушках-гвардейцах, их мужестве и мастерстве. Встречаясь с кем-нибудь из них на дорогах наступления, даже самые суровые солдаты не скупались на теплое слово, сердечную похвалу:

Авиамеханик Вера Дмитриенко

— Хорошо работаете, девушки, ничего не скажешь.

Наступление продолжалось. Из Челбасской полк перебазировался в Ново-Джерелиевскую, километрах в ста от Краснодара.

5

Наступила вторая половина февраля — период самой страшной распутицы на Кубани.

Ново-Джерелиевская запомнилась своей непролазной грязью. Дороги раскисли, и подвоз горючего, боеприпасов, продовольствия был крайне затруднен. Экипажи днем летали за бомбами и бензином, а ночью — на боевые задания. Пищей служила почти одна кукуруза — без соли, без масла. Девушки посмеивались:

— Кукурузу едим, кукурузой запиваем, кукурузой самолеты покрываем.

Труднее всех приходилось, пожалуй, авиамеханикам и вооруженцам. Самолеты стояли на размокшем поле, колеса их утопали в жирной земле, и девушкам то и дело приходилось вытаскивать машины на руках. А каких сил стоила подвеска бомб, когда их то засасывала грязь, то они обледевали в морозные ночи!

«Тяжело было нам поднимать стокилограммовые бомбы, — вспоминает Зина Вишнева. — Даже вчетвером тяжело было. Но мы этот вопрос решили. Как? Да очень просто! Бомбы прибывали в особой таре, в ней мы и подтаскивали их к самолету. А потом каждая делает свое, в темноте, на ощупь, и вот уже слышим: «Готово!». У нас не было ни одного случая, чтобы бомба не взорвалась по нашей вине или упала бы сама по себе».

Бомбы были промаслены, чтобы не ржавели взрыватели, и вооруженцы после окончания полетов с ног до головы были в мазуте, в грязи.

Не лучше выглядели, возвращаясь с аэродрома, и авиамеханики. Но как бы усталость ни ломила тело, девушки никогда не ложились спать, прежде чем сами не вымоются с головы до ног, не выстирают комбинезоны.

Возвращаясь с аэродрома, обязательно «скреблись и чистились», говоря их словами, и авиатехники и механики. На боевой пост они являлись

не иначе, как в белоснежных подворотничках, и за это в полку их еще больше уважали, ценили.

Когда с наступлением темноты экипажи шли к своим самолетам, то и дело увязая в грязи, никто из летчиков и штурманов не беспокоился о состоянии машин. Все знали: Зина Радина, Мэри Жуковицкая, Галя Беспалова, Соня Лаврентьева, Вера Дмитриенко, Зина Петрова, Галя Корсун, Саша Османцева и другие техники, механики, вооруженцы, как всегда, образцово выполнили свой долг, обеспечивая безотказное действие боевой техники в любых условиях.

Пилотам и штурманам тоже приходилось нелегко ранней кубанской весной. Днем падал мокрый снег, а к вечеру — заморозки. В унтах было тяжело, а промокшие сапоги в полете замерзали и ноги сильно зябли.

Полеты продолжались. Первыми поднимались в воздух разведчики погоды.

Нина Ульяненко писала тогда в своем дневнике:

«Сегодня мы с Дусей Носаль — разведчики погоды. Необходимо просмотреть погоду в районе цели и по маршруту.

Прошли одну полосу густого снегопада, дальше светло. По расчетному времени под нами должна быть цель, но ничего характерного не видно, все заволочено белой пеленой, и только где-то далеко, как будто приподнятое чьей-то могучей силой, просматривается зарево пожарищ, какими-то расплывчатыми пятнами, которые постепенно уменьшаются и вскоре совсем исчезают.

Идем низко, в сплошном снегопаде. Вдруг замечаю, что скорость по прибору падает, вот уже 70—60 километров в час. Что такое?

— Дусенька, не надо уменьшать скорость, — говорю я.

Но машина держится нормально, значит забито снегом отверстие трубки Пито. Плоскости, стойки, козырек — все покрылось тонким слоем льда. Вот-вот тяжелая машина перестанет слушаться рулей. Ее можно облегчить, сбросив бомбы, но этого делать нельзя. Внизу, под ногами — наша земля, совсем недавно освобожденная от фашистов, наши люди...

Дусе очень трудно по вариометру и компасу вести машину, сохранять

Авиамеханик Саша Османцева

пространственное положение самолета. Только ее мастерство и умение чувствовать самолет спасает дело.

Уходим на северо-восток. Впереди на земле блеснула фара, какой-то запоздалый шофер спешил домой. Сколько благодарностей было послано ему!

А вот выглянула помощница—звездочка.

Полоса снегопада, слева впереди — наш приводной маяк. Мы дома! Как всегда, разведчиков очень ждут. Все хотят знать, что и как. Сегодня же ждали особенно, потому что в районе аэродрома слишком плохая погода и на земле сильно волновались за нас.

После доклада командиру о результатах разведки нас заставили немедленно поужинать. Одни несут хлеб, другие тарелки, и все стараются нас развеселить. Нервная дрожь на земле от чрезмерного спокойствия в воздухе вскоре проходит, и вместе со всеми мы шутим и смеемся, как будто ничего и не было.

А на следующий день, когда погода чуть улучшилась, самолеты пошли на боевую работу.

На этот раз отличились экипажи Ольги Санфировой, Веры Тихомировой, Нины Худяковой, Нади Поповой. Они нанесли серьезный урон врагу, громя его на путях отступления.

Экипаж Чечневой—Клюевой разгромил фашистскую автоколонну, двигавшуюся к переправе у пункта «Красный Октябрь», а экипаж Макогон—Свистуновой ударил по самой переправе и разнес ее. Другие экипажи сбросили груз бомб на значительные скопления вражеских войск.

В начале марта полк перелетел на новый аэродром — в станицу Пашковскую, неподалеку от Краснодара.

